

На правах рукописи

ЖУКОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО
И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ
В КОНЦЕ XV – НАЧАЛЕ XVII вв.**

Специальность **07.00.02.** - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ПЕТРОЗАВОДСК 1997

Работа выполнена в Институте российской истории Российской Академии Наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Некрасов Г.А.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
проф. Преображенский А.А.
кандидат исторических наук,
доцент Богданова Г.Н.

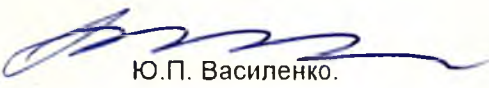
Ведущая организация: Институт языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН

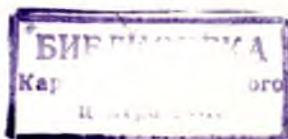
Защита состоится "26" июня 1997 г. в 15⁰⁰ часов на заседании
Диссертационного совета К.063.05.01. по присуждению учёной
степени кандидата исторических наук при Петрозаводском госу-
дарственном университете по адресу: 185640, г. Петрозаводск.
пр. Ленина, д. 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Петрозаводского государственного университета (185640, г. Пет-
розаводск, пр. Ленина, д. 33).

Автореферат разослан "24" мая 1997 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

Ю.П. Василенко.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы. Особенности географического положения Карелии - области на северо-западных рубежах России - коренным образом отразились на своеобразии исторических судеб её населения. Одни из наиболее интересных, но малоизученных явлений прошлого этого края относятся к складыванию ещё со времен средневековья местных административных образований, порядку государственного управления ими и существовавшему тут самоуправлению.

Данная проблематика актуальна также и с точки зрения исследования многовекового опыта российской государственности. Генезис государственных начал и устоев России, в том числе административного устройства и системы центрального и местного управления, всегда подвергался сильному воздействию со стороны внутренних и внешних факторов. Среди первых - выделим неравномерность социально-экономического развития её земель и полиэтничный состав их населения. Внешнее воздействие проистекало прежде всего из геополитического положения российской державы на евразийском пространстве: сложное в целом, оно подвигало Россию подчас к проведению исключительно активной внешней и военной политики по отношению к беспокойным соседям и к особой заботе о безопасности собственного приграничья.

Отмеченные выше факторы взаимодействия непосредственным образом проявились и на землях приграничной Карелии. Поэтому перед нами стоит трудная и многогранная проблема изучения возникновения и развития административного деления и системы управления в Карелии как равнодействующих изменявшихся со временем, но связанных между собой факторов этнодемографических и социально-экономических процессов, а также внутренней, внешней и военной политики России на Северо-Западе страны.

Избрание территории Карелии в качестве предмета исследования позволяет конкретизировать исторический опыт становления российской государственности: принципы государственного строительства, методы управления всей территорией страны адаптировались тут к ярко выраженной специфике этого приграничного северного края. Во времена позднего средневековья

здесь располагались земли нескольких административных образований: Корельского и Кольского уездов, Заонежских и Лопских погостов Новгородского уезда и округа-вотчины Соловецкого монастыря,- что позволило провести репрезентативный сравнительный анализ порядка и характера управления ими.

Хронологические рамки работы охватывают важнейший период формирования и развития общероссийской государственности: конец XV - начало XVII вв., который отличался особой интенсивностью в области учреждения нового государственного устройства страны на основах складывания сословно-представительной монархии. Для Карелии это время ознаменовалось двумя важными вехами в её истории: падением в 1478 г. Новгородской вечевой республики и включением её земель в состав Русского государства, и заключением в 1617 г. русско-шведского Столбовского мира, восстановившего суверенитет России над Новгородским уездом.

Степень изученности проблемы. Вопросы становления и развития административного устройства и системы управления на территории Карелии конца XV - начала XVII вв. не нашли сколько-нибудь подробного и специального освещения в историографии. В то же время, наличествуют обобщающие труды и монографии,- особенно Р.Б. Мюллер, И.П. Шаскольского и Х. Киркинена,- которые частично затрагивают проблему нашего исследования, но главное внимание обращают на общие процессы социально-экономического и культурного развития края и определяют место Карелии в истории военного соперничества России и Швеции в Балтийско-Беломорском регионе¹.

Тем не менее, существуют отдельные исследования, созвучные поднимаемой нами проблеме. Так, административное устройство Новгородской земли изучалось ещё К.А. Неволиным, но в его понимании оно выступало без динамики, как неизменная совокупность погостов. Более ограниченный масштаб, на уровне административных округов, имеет работа М.Н. Тихомирова, что также не может нас удовлетворить².

Складывание административного устройства Карелии в то же время немислимо без изучения этно-демографической карты ре-

---

¹ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI - XVII вв. Петрозаводск, 1947; Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, Очерки истории Карелии /под ред. В.Н. Бернадского, И.И. Смирнова, Н.А. Балагурова. Петрозаводск, 1957. Т. 1; Kirkinen H.: 1) Karjala idän kulttuuripiirissa. Bysantin ja Venäjän yhteyksiä. Rauma, 1963; 2) Karjala idän ja lännen välissä karjalaan. Helsinki, 1970. I. Venäjän renessansilla (1478-1617), Helsinki, 1976. II. Karjala taistelukenttä.

² Неволин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. Спб., 1853; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

гиона. Лингвисты, этнографы, археологи и историки (А.И. Шегрен, Е.К. Огородников, Д.В. Бубрих, С.И. Кочкуркина, В.В. Пименов, М.В. Витов, И.В. Власова, Т.А. Бернштам и др.) внесли значительный вклад в установление этно-исторической географии расселения древних карелов, вепсов и русских в Карелии в эпоху средневековья и начала нового времени³. Но тесная взаимосвязь этно-демографических процессов и административных преобразований в крае в этих работах не прослеживается.

Другим важнейшим "фактором воздействия" выступает уровень социально-экономического развития Новгородской земли. Этой стороне исторического прошлого посвящено наибольшее число исследований. За исключением ценных работ А.А. Савича, И.Л. Перельмана, Т.В. Старостиной и соответствующих разделов обобщающего труда "Аграрной истории Северо-Запада России", они лишь частично касаются собственно Карелии⁴.

Отчасти поднятую нами проблему затрагивают исследования о внутренней и внешней политике России. Видные историки рассматривали крупные реформы её внутреннего управления середины XVI в., опричнину 1564-1572 гг., становление правящего класса страны в XV - XVI вв., - главным образом на уровне вер-

---

³ Огородников Е.К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого чертежа. Спб., 1877; Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947; Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI - XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI - XVIII вв. М., 1974; Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; Кочкуркина С.И.: 1) Юго-Восточное Приладожье в X - XIII вв. Л., 1973; 2) Археологические памятники Корелы X - XV вв. Л., 1981; Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

⁴ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV - XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений в древней Руси. Пермь, 1927; Перельман И.Л. Новгородская деревня в XV - XVI веках // Исторические записки. М., 1948. Т. 26. С. 128-197; Старостина Т.В. Шуерская волость в XVI - XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в средневековой России. Сб. статей, посвящённых памяти И.И. Смирнова. Л., 1967. С. 195-208; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI вв. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. См. также: Греков Б.Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Избр. труды. М., 1960. Т. 4; Ч. 2 // ЛЗСК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34); Данилова Л.В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV - XV вв. М., 1955; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX в.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.

ховной власти и столичного администрирования, в то время как реализация на местах управленческих преобразований не подвергалась глубокому анализу⁵.

Единственным объёмным и систематическим исследованием местного управления на Севере в XVI в. видятся работы Н.Е. Носова⁶. Но избранный автором масштаб не позволил подробно и специально отразить территорию Карелии. Кроме того, многие важные вопросы, связанные с самоуправлением крестьянских общин XVI в. не получили у него такого же обстоятельного освещения, как в фундаментальном труде М.М. Богословского о самоуправлении на Русском Севере в XVII вв.⁷

Обзор литературы свидетельствует о большой работе, проделанной историками и другими специалистами при изучении проблем Севера России, особенно в области социально-экономического развития. Но важнейшая проблема одновременности воздействия множества разноплановых факторов на функционирование властных правительственных и местных структур управления на материалах истории Карелии конца XV - начала XVII вв. даже не поднималась.

---

⁵ Садилов А.П. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1955; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-х - 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV - XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; Веселовский С.Б.: 1) Исследования по истории опричнины. М., 1963; 2) Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; 3) Дьяки и подьячие XV - XVII вв. М., 1975; Зимин А.А.: 1) Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-политической истории России середины XVI в. М., 1960; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; 3) Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI вв. М., 1988; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV - первой половины XVI вв. М., 1961; Скрынников Р.Г.: 1) Начало опричнины. Л., 1966; 2) Опричный террор. Л., 1969; Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI вв. М., 1967; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV - начала XVI вв. М., 1980; Бычкова М.Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). Спб., 1992; Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV - начала XVII вв. М., 1994.

⁶ Носов Н.Е.: 1) Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957; 2) Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

⁷ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909-1912. Т. 1-2.

Основная цель данного исследования продиктована вновь выдвинутой проблемой и состоит в детальном рассмотрении эволюции административно-территориального устройства и организации управления Карелией конца XV - начала XVII вв. на всех уровнях государственной центральной и местной власти, а также развития самоуправления. При этом главной задачей работы ставится нахождение воплощенных в структуре администрирования краем результатов действия и взаимовлияния местных этнодемографических и социально-экономических процессов и важных проявлений внутренней, внешней и военной политики России на северо-западных рубежах страны.

Научная новизна исследования заключается в постановке и анализе многогранной проблемы административного устройства Карелии в период позднего средневековья. Раскрыта роль этнодемографических, социально-экономических, внутри-, внешне- и внешнеполитических факторов в административной организации её территории. Установлена хронологическая периодизация развития административного деления и системы управления краем с конца XV по начало XVII вв.

Практическая значимость может состоять в использовании выводов, обобщений и конкретного материала диссертации при разработке проблем внутренней, внешней и военной политики России и подготовке обобщающего труда и спецкурсов по истории Карелии и Северо-Запада страны.

Методологическую и теоретическую основы исследования составили главные принципы исторической науки: глубокая научность и историзм, конкретно-исторический подход и объективность, учитывающие приоритет документальных и архивных материалов для раскрытия теоретической и фактической сторон темы.

Источниковая база диссертации позволяет найти решение поставленной проблемы; корпус источников XV - XVII вв. - как архивных, так и опубликованных, - обширен и разнообразен по характеру и тематике материалов. Они подразделяются на несколько видов и групп: комплексы общего и специального приказного документирования, в том числе писцового делопроизводства; указы и грамоты по многочисленным вопросам государственного центрального и местного управления и суда; разрядные и боярские книги и близкие им по содержанию "наказные списки боярам", а также "десятины" (военно-послужные списки помещиков); судебно-следственная, хозяйственно-финансовая и дипло-

матическая документация; частно-правовые акты; летописи. Автор опирался на архивные источники в составе 41 дела по 13 описям 10 ведущих (основных) фондов из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Научного архива Карельского научного центра РАН. Используются также многочисленные материалы по истории Карелии, России в целом и Швеции в изданных сборниках документов.

Первую группу важных источников составляют писцовые, земельные, дозорные, обыскные и платёжные книги России и Швеции (архивные и опубликованные). С их помощью характеризуется эволюция административного устройства Карелии - через установление подчинённости объектов фиска и способов управления ими центральными и местными органами власти Москвы и Новгорода. Данные ценные материалы помогли выявить динамику демографической и экономической ситуации в Корельском уезде с конца XV в. по 1570-е гг., раскрыв, тем самым, одну из главных причин его захвата Швецией в 1580-1581 гг.

Характер и эволюция государственного управления всеми землями Карелии в основных сферах администрирования (землеустройства и землеустройства, судебной, фискально-податной и военной), а также многие яркие черты местного самоуправления встают за строками многочисленных указных и жалованных грамот московских монархов, "наказов"-инструкций на места приказных и воеводских органов управления столицы и Новгорода, судебной документации, челобитий жителей Карелии и царских ответов на некоторые из них, частно-правовых актов, а равно - и материалов кадастровых переписей хозяйства и населения.

Состав русских властей Корельского уезда в 1500-1611 гг. (имена и звания наместников, воевод и дьяков) мы установили по сведениям разрядных книг ("разрядов") - погодных списков назначений на высшие военно-государственные посты и должности. В целом военно-разрядный состав управленцев города Корелы очень точно указывает на степень важности и значение Корельского уезда в единой системе обороны Северо-Запада России того времени. Но те же назначения отражают и внешнеполитическую сторону администрирования. Принципиальные представительские функции наместников и воевод г. Корелы в русско-шведских связях раскрываются при анализе данных посольских книг России XVI - начала XVII вв., а также сведений "разрядов" и посланий 1572-1573 гг. Ивана IV Грозного шведскому королю Юхану III.

Обработка такого обширного массива разнохарактерных источников в диссертации потребовала комплексного подхода. Метод статистического анализа материалов кадастров дополнился сравнительным методом, позволившим взаимодополнять и взаимопроверять сведения различных источников.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории Российской Академии Наук.

Основные положения исследования нашли отражение в докладах диссертанта: на международном семинаре историков Карелии и Финляндии " Исторические связи Беломорской Карелии и северной Финляндии" (Петрозаводск, 1994 г.), научной конференции "Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрёстки политических и культурных взаимовлияний" (Москва, 1994 г.), международной научной конференции "Рябининские чтения" (Петрозаводск, 1995 г.), - а также в научных публикациях автора.

Структура работы определена целью, задачами и степенью изученности исследуемой проблемы. Она состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний, приложения и списка использованных источников и литературы. В основу разработки глав диссертации, исторического материала положен проблемно-хронологический принцип.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обосновывается актуальность темы, ставятся и формулируются проблемы, цели и задачи исследования, определяются его предмет и хронологические рамки, дан историографический обзор литературы и характеризуется корпус источников.

Первая глава включает три параграфа, раскрывающих складывание и эволюцию административно-территориального устройства Карелии в XV - начале XVII вв.

Первый параграф посвящён Корельской земле ("Кореле")-Корельскому уезду. В начале XIV - XV вв. главная племенная территория карельского народа в западном Приладожье была организована Великим Новгородом в "Корельскую землю", поделённую на погосты. Наместниками туда Новгород назначал служилых князей, зачастую - выходцев из Литвы; в их "кормлении"

находились деревни в восточных районах Корелы. Одновременно пограничные со Швецией земли вечевая республика отдала в кормление главе своего правительства - архиепископу, "владыке" Дома св. Софии.

В социально-экономическом отношении приладожская Корельская земля разделялась на Переднюю Корелу и Заднюю Корелу. Передняя Корела являлась земледельческим районом, хорошо освоенным феодалами - как новгородскими, так и местными (выходцами из корельской родо-племенной знати) и монастырями. Она включала Городенский (с городом Корелой), Сакульский и Ровдужский погосты. В Заднюю Корелу входили Кирьяжский, Сердовольский, Соломенский и Иломантский погосты. Их население группировалось в общины-перевары и волости "за владыкою"- владельческие образования на здешних государственных землях Новгорода, равными долями уступленных им в кормление наместникам и Дому св. Софии. К концу XV в. Задняя Корела оставалась колонизируемой территорией: анализ сведений кадастра Корельского уезда 1500 г. показал, что за последнюю четверть XV в. её заселённость увеличивалась в основном за счёт основания новых поселений, тогда как в Передней Кореле - путём укрупнения старых деревень.

После присоединения в 1478 г. Новгорода и Корельской земли к объединявшейся России приладожская Корела получила статус уезда. В конце XV в. в Новгородской земле проводилась военно-хозяйственная реформа: её территорию разбили на "пятины"- военно-мобилизационные округа в системе военной организации Русского государства. Корельский уезд вошёл в состав Водской пятины, прикрывавшей ответственный северный фланг западной границы России. Тогда земли новгородского архиепископа в Передней Кореле, по шведской границе, Иван III передал в поместную раздачу, а перевары и волости Задней Корелы - оставил в кормлении, но уже своих наместников. С конца 1530-х гг., при проведении губной реформы, Корельский, Орешковский и Ладожский уезды, заселённые близкородственными народами Корелой и Ижёрой, объединились в один губной округ судебно-полицейской системы - Корельскую половину Водской пятины.

Анализ демографической и хозяйственной ситуации в Корельском уезде в 1500-1571 гг. показал, что до 1566 г. его население более всего страдало от частых вторжений шведских отрядов, но в целом первая половина XVI в. была для жителей

сравнительно благоприятным периодом. В 1566-1571 гг. в Корельском уезде разразилась социально-экономическая и демографическая катастрофа, усугублённая затем шведской агрессией в 1580-х и 1610-х гг. Уже в 1571 г. в Корельском уезде оставалось не более 10 % тяглых жителей от числа их в 1560-х гг. Главной причиной такого запустения явился общий социально-экономический, политический и военный кризис, поразивший Россию, увязшую тогда в разорительной Ливонской войне и жестокой опричнине.

С 1580-х гг. внешнеполитический фактор стал играть ведущую роль при определении государственной принадлежности Корельского уезда. В системе русско-шведских отношений наместники (воеводы) гг. Корелы и Орешка и шведские губернаторы г. Выборга исполняли принципиальные функции по связи шведского двора с Новгородом, "уровень" которого русские монархи считали "высшим" для Швеции, не признавая Стокгольм равным себе партнёром. Захват Корельского уезда в 1580/81 гг. не принёс Швеции паритета, но решил в её пользу спор о границе в Карелии. Дипломатическое равенство Стокгольм завоевал только в 1610-х гг., подчинив Новгород. Корельский уезд, обещанный в 1609 г. царём Василием Шуйским Швеции, в 1611 г. был ею занят и признан Новгородом территорией этого северного королевства.

Второй параграф анализирует ситуацию в Заонежских погостах. Они располагались на севере Обонежского ряда, вокруг Онежского озера, и брали начало в племенной структуре древневепсского населения и в процессах русско-вепсско-карельской колонизации края. В XIV - XV вв. там, по берегам водно-волоковых торгово-промысловых путей на Север и Двину, правящий класс Великого Новгорода организовал густую сеть "боярщин" (вотчин), составивших "пояс обороны" для противодействия попыткам Москвы аннексировать свои богатейшие двинские владения.

В конце XV в. уже Иван III использовал сложившееся тут расселение вдоль водных путей для создания станов - округов сельских кормлений во главе с волостелями. Мы установили, что становое деление Заонежских погостов в середине XVI в. не совпало с их разбивкой на станы в XVII в. При Иване Грозном черносошные оброчные земли Заонежских погостов входили в состав четырёх государственных станов: Выгозерский стан состоял из Выгозерского, Шунгского, Толвуйского и Чёлмужского погостов;

Водлозерский стан "образца" XVII в. в 1550 г. делился на Пудожский стан (Пудожский и Шальский погосты) и Водлозерский - с погостами Водлозерским и Андомским; Оштинский стан включал Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Венецкий и Важинский погосты. Погосты "в Ярославичах", состоявший из поместий, и Пиркинский, с землями архиепископа Новгорода, в станы не вошли. Западная половина Олонецкого погоста - "Олонецкий стан"- в XVI в. оставалась в кормлении церковных волостей Дома св. Софии, а восточная его часть, вместе с Шуйским и Кижским погостами, разделялась между новгородскими "филиалами" столичных дворцовых ведомств Дворца и Коношенного пути.

Учёт правительством Москвы полиэтничности Заонежья в конце XVI - начале XVII вв. привёл к административному обособлению некоторых групп вепсов и карелов-людиков и ливвиков в округи самоуправления, а именно в Шимозерскую, Святозерскую и Сямозерскую "выставки", выделенные, соответственно, из состава Оштинского, Важинского и Олонецкого погостов. Зарождённый на западно-беломорском побережье из смешанных русско-карельских общин субэтнос поморов уже в 1592 г. административно оформился в округ-вотчину Соловецкого монастыря.

Заонежские погосты не располагали единым местным центром управления и поэтому вошли в Новгородский уезд. В 1571-1572 гг. Заонежье "бралось в опричнину", подчиняясь опричным властям Торговой стороны Новгорода. В 1584-1586 гг. был образован округ дворцовых Заонежских погостов, вобравший в себя все здешние чернососшные и дворцовые земли; центром округа стал стан-место Ошта. Создавая округ, русское правительство стремилось надёжно обеспечить местными ресурсами Новгород - основной и стратегически важный административный и военный сплот на Северо-Западе России, находившийся тогда в окружении разорённых пятин. Значительные заонежские налоги теперь шли не в Москву, "на государев обиход", как с других дворцовых земель, а в Новгород - для обеспечения бесперебойной работы его администрации и содержания многочисленного гарнизона и войск во время военных походов.

Оккупация Швецией Новгорода в 1611 г. нанесла ощутимый урон Заонежью, отошедшему к "Новгородскому государству" шведской короны. Но уже в 1613-1614 гг. Москва, действуя через

своих воевод Тихвина, восстановила контроль над дворцовым Заонежским округом.

В третьем параграфе исследуется эволюция административно-территориального устройства северной Карелии - "Дикой Лопи". Населённая карелами и немногочисленными саами, она уже в XV в. административно составляла северную окраину Корельской земли. Тогда там возникли Лопские погосты: Линдозерский, Семчезерский, Селецкий, Паданский, Ругозерский, Панозерский и Шуеозерский.

Основными угодьями на Севере владела карельская феодальная знать - "пять родов корельских детей", являвшихся прямыми вассалами Новгорода. Охраняя свои земли, они выступали союзниками вечевой республики в её борьбе со шведской экспансией. Поэтому Новгород, во времена создания заонежского "пояса обороны", заинтересованный в лояльности "корельских детей", оставил в их собственности богатый ресурсами берег Белого моря - к северу от устья реки Выга и до Керети; здесь образовались Кемская и Шуерецкая волости Лопских полгостов.

Падение вечевой республики в 1478 г. привело к утрате "пятью родами" прав феодалов. Население "Дикой Лопи" стало черносошным крестьянством, а сама она вошла в состав Водской пятины. Административно материковые Лопские погосты входили в 1478-1649 гг. в Новгородский уезд, но их беломорские Кемская и Шуерецкая волости, с зарождавшимся поморским населением, в 1592 и 1613 гг., поочерёдно, были выведены из состава Лопских погостов и влиты в новый административный округ - вотчину Соловецкого монастыря, который Москва напрямую подчинила столичному приказу "Новгородской четверти". По терминологии тех лет Соловки стали принадлежать к "Московскому уезду", "московскому присуду".

В отличие от Кеми и Шуи, северо-западные беломорские волости Кереть и Ковда по 1582 г. территориально относились не к Корельской, а к Двинской земле, но управлялись непосредственно московской Казной. В 1582 г. Иван IV присоединил их к созданному тогда Кольскому уезду, - как и земли саами вдоль русской границы со Швецией на северо-западе Карелии.

Главной причиной решительных административных преобразований на Севере в конце XVI - начале XVII вв. послужило ухудшение для России военно-политической обстановки. Тогда Швеция беспрестанно нападала на Беломорье, а Датско-

Норвежское королевство - в 1582 г. предъявило свои претензии на Кольский полуостров. Сконцентрировав оборонительный потенциал Крайнего Севера и усилив здесь присутствие, в первую очередь - военное, верховной власти, новые административные образования Соловецкий округ и Кольский уезд оказали успешное противодействие внешней агрессии и сохранили свои земли в составе России.

Со шведской агрессией 1610-х гг. связана и эволюция административной принадлежности Ребольской волости. Будучи основанной карелами на землях саами в 1510-х гг., она принадлежала Иломантскому погосту Корельского уезда. В 1610-х гг. местные жители отстаивали её за Россией, но шведы требовали возврата Ребол. Стремясь надёжно укрепить свою власть в приграничье, Москва в 1620/21 г. включила порубежную Ребольскую волость в состав Кольского уезда, а между 1621-1628 гг. - переподчинила живших тут карелов Соловецкому монастырю, оставив здешних саами в управлении кольского воеводы.

В целом развитие административного деления Карелии в XV - начале XVII вв. проходило под решающим воздействием факторов внутренней, внешней и военной политики Великого Новгорода, а с 1478 г. - России. Но факторы этно-демографических и социально-экономических процессов оставались весомыми и существенными причинами преобразований и изменений административного деления Карелии.

Глава вторая раскрывает и анализирует взаимосвязь государственного управления Карелией с политикой централизации в России в конце XV - начале XVII вв.

В первом параграфе характеризуются основные сферы и органы центрального управления Новгородской землёй, в т.ч. и Карелией. Система администрирования ими складывалась постепенно - по мере создания верховной властью России столичных и уездных органов управления и в непосредственной зависимости от её внутренней и внешней политики. Назначаемые русскими монархами наместники и воеводы Новгорода принадлежали к элите правящего класса России - членам государевой Думы, олицетворяя собой прямое центральное государственное управление всей Новгородской землёй. Полный состав новгородской администрации включал также архиепископа, дворецкого и дьяков Казны и Дворца. Все вместе, они осуществляли административно-судебные, фискальные, землеустроительные, военные и

внешнеполитические полномочия, но ни один из них не имел в уезде всей полноты власти, подчиняясь применявшемуся Москвой политическому принципу "сдержек и противовесов" при управлении богатым Севером.

Наместники властвовали в Новгороде с 1478 по 1561 гг. С 1562 г. (с небольшим перерывом в 1570-е гг.) Москва ввела тут новую, воеводскую форму управления, при которой администрирование разделялось уже между воеводами "на годовом" и столичными приказами. Непосредственная же делопроизводственная компетенция по всем вопросам сложной системы государственного управления Новгородской землёй, особенно в аграрной и фискальной сферах, принадлежала дьякам Новгорода.

Военно-поместной системой Новгородчины руководили её наместники и дворецкие по указам из столицы, а после - ею заведовали новгородские воеводы и московский Разрядный приказ. Новгородские наместники и дворецкие представляли Россию и в её связях со Швецией, с которой они, формально-юридически - от соего имени - заключали государственные договоры. С 1580-х гг. их полномочия разделяли уже воеводы Новгорода и дьяки столичных приказов, особенно Посольского, чьё руководство одновременно возглавляло многие приказы-"четверти", контролировавшие северное приграничье и сам Новгород.

За указанными особенностями воеводского управления стояло стремление московского правительства к централизации власти - для усиления своего влияния в стране, в т.ч. и на Севере, в кризисные годы второй половины XVI в. Данная организация управления сложилась в основном к концу XVI в. После вынужденного перерыва 1611-1617 гг., она тут же была восстановлена в возвращенном России Новгороде. Но Столбовский мир 1617 г. ознаменовал утверждение прямых дипломатических отношений между Москвой и Стокгольмом, и за новгородскими воеводами закрепились новые внешнеполитические функции - сношений со шведскими приграничными властями.

Во втором, третьем и четвёртом параграфах второй главы анализируется система центрального и местного государственного управления, соответственно, Заонежскими погостами, Корельским уездом и северной Карелией. Организация управления ими являлась, по-существу, проецированием на областном уровне, с помощью местных управленцев, администрирования Новгородской землёй, принципы и особенности которого обуславливали,

оформляли и ограничивали их компетенцию. В итоге столичный, уездный (новгородский) и областной уровни управления скреплялись в единую монолитную властную вертикаль, воплощавшую в жизнь политику и правительственные prerogatives московского Престола.

Данная троичная вертикаль власти утверждалась в Заонежье и Корельском уезде трудами "государевых писцов"- крупных администраторов приказного типа. Они действовали под непосредственным правительственным руководством и в конце XV - начале XVII вв. выполняли ответственную организационную работу по отладке и корректировке устройства государственного управления на местах в важнейших областях фиска, землевладения, материального обеспечения администраторов и их деятельности, военно-поместной системы. Поэтому кадастры, как системно-и структурообразующие результаты работы писцов признавались всеми агентами управления незыблемой основой для их властвования.

Заонежские станы были организованы по указу Ивана III писцом Ю.К. Сабуровым в 1496 г. Волостели Выгозера, Водлозера, Пудожа и Ошты обладали обычными административно-судебными полномочиями кормленщиков. Их социальный состав в середине XVI в. указывает на тогдашнюю политическую линию центра по рекрутированию в систему местного управления широкого спектра служившего с поместий дворянства. Начиная с правления Василия III власть заонежских волостей постепенно ограничивалась и сокращалась: их судебно-податные права в здешних вотчинах монастырей передавались игуменам. Господствовавшим черносозным и крупным монастырским землевладением Заонежья ведали новгородские дворецкий и его дьяки, имевшие соответствующие полномочия по землеустройству и суду, что также сужало сферу деятельности волостей и делала её подконтрольной Новгороду, а через него - и Москве.

Осенью 1555 г. в Заонежских погостах проводилась земская реформа. Мы установили, что волостели Выгозера и Ошты "съехали" оттуда не позднее весны-лета 1555 г., а местное государственное управление тогда сосредоточилось у новгородской администрации.

Москва жестко диктовала и скупулёзно регламентировала все административные мероприятия властей Новгорода в крае. Благодаря этому в Заонежье успешно проводилась централиза-

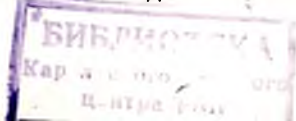

торская линия в политике русского правительства. Она выражалась в руководстве царём лично и через столичные "четверти" (с конца XVI в. - единую Новгородскую четверть) местными делами, а при создании в 1584-1586 гг. округа дворцовых Заонежских погостов - и в восстановлении "троичной" вертикали власти, теперь - в лице назначавшегося туда из Москвы приказчика. Ему поручалось оперативное управление фиском, землепользованием и судебно-полицейской системой; он твёрдо контролировал местное самоуправление. Но непосредственное государственное администрирование погостами и надзор за деятельностью приказчика осуществляли власти Новгорода.

С установлением в 1613-1614 гг. власти Москвы над Заонежьем им стала заведовать Нижегородская четверть, а полномочия Новгорода перешли к русским воеводам Тихвина; налаживанию управления способствовали и прибывшие в Заонежье московские писцы. Возвратив в 1617 г. Новгород, Москва возродила и сложившуюся с конца XVI в. организацию управления Заонежскими погостами.

Дьячье, приказное администрирование было характерно и для Корельского уезда. Уже в последнюю четверть XV в. и по 1570-е гг. дьяки новгородских Казны и Дворца участвовали в его управлении в сферах своей социально-аграрной, фискальной и военной компетенции, в том числе через подьчих и городских приказчиков г. Корелы. В 1570-е и с 1597 гг. уездом, как и всей Новгородской землёй, ведали столичные приказы ("четверти" и др.), а с 1597 г. Москва стала назначать в Корельский уезд дьяков - постоянными членами его воеводской администрации, - тем самым соединив административно-территориальную структуру управления с функциональной приказной вертикалью власти.

Но ведущими и непосредственными государственными властями Корельского уезда являлись его наместники и воеводы. Организация Корельского наместничества (уезда) произошла в 1500 г. - по указу Ивана III и трудами его писца Д.В. Китаева. Мы установили, насколько это возможно, состав русской администрации г. Корелы в 1500-1580 и 1597-1611 гг. По своему социально-политическому положению его наместники и воеводы принадлежали к числу младших членов знатных правящих ("разрядных") родов тогдашней России и приближённых к Престолу лиц. Они осуществляли административно-судебные, военно-командные и представительско-дипломатические полномочия.

Характер их управления не отличался от властвования наместников и воевод в Новгороде, но они подчинялись последним в областях внешней и военной политики как старшим по разрядному весу и чинам начальникам всей Новгородской земли.

Отмена кормлений и учреждение власти воевод произошла в Корельском уезде в 1563/64 г., сразу после проведения аналогичной реформы в Новгороде, что мы связываем с потеплением русско-шведских отношений в 1560-е гг. Тяжесть войн со Швецией или мирные связи с ней обуславливали и кадровую политику центрального правительства: статус и разрядно-политический "вес" властей Корелы определялся главными задачами, которые государство ставило перед собой, прежде всего в областях внутренней и внешней политики.

В годы налаженных мирных отношений со Швецией воеводы - дворяне московские - являлись в основном администраторами, а в периоды военного противостояния с ней наместниками и воеводами в г. Корелу назначались видные военачальники и дипломаты. Пристальное внимание центр уделял уезду и при налаживании со Швецией дипломатических отношений в 1596-1598 гг., и в начале поисков военного союза с ней против Польши в 1607-1608 гг.: тогда сюда приезжали воеводы в правительственных чинах боярина, окольного, думного дворянина. И наоборот, тяжелое обязательство передать Корельский уезд Швеции привело к значительному снижению представительского уровня его администрации в 1609-1611 гг.

Своеобразие государственного управления северной половиной Карелии в конце XV - начале XVII вв. заключалось в более непосредственном контроле за Севером со стороны московского правительства. В конце XV в. оно выразилось в активном присутствии здесь "мужей"- администраторов вел. князя, а в первой половине XVI в.- в тщательном налаживании местной системы централизованного приказного управления.

Тогда Москва бдительно следила за деятельностью приказных администраторов Казны и Дворца в "Дикой Лопи", данщиков и слободчиков московского казначея - в Керети и Ковде. Оперативно и решительно откликаясь на челобитья с мест, центр упорно реформировал систему местного администрирования, постепенно, с конца 1530-х гг., передавая в руки зажиточных слоёв крестьянских волостных миров ответственные фискальные и судебно-следственные функции власти. Разыгравшийся в конце 1560-х

гг. острый конфликт в Поморье, однако, убедил Ивана IV в неэффективности своей политики передачи государственных полномочий органам самоуправления на места; царь нашёл выход в возобновлении сильного приказного контроля над Беломорьем.

С конца XVI в. приказной надзор со стороны столичной Новгородской четверти характеризовал и управление новым округом Соловецкого монастыря. При этом роль воеводских властей здесь исполняли игумен и "соборные старцы" обители, а внешнеполитические контакты с властями соседней шведской Эстерботнии Посольский приказ осуществлял через архангелогородских воевод.

Воеводское управление из г. Колы Керетью и Ковдой в 1580-х - 1620-х гг. также являло пример утвердившегося с конца XVI в. администрирования провинцией "по царскому указу". Но приграничные земли саами Кола контролировала через своих сборщиков налогов и других "посланцев". Наконец, пограничная Ребольская волость, в 1620-х гг. поделённая в управлении между Колой и Соловками, одновременно показывала образец осторожного отстаивания русским правительством своих внутри- и внешнеполитических интересов по вопросу о карельских беженцах: уже тогда Москва тайно потворствовала их выезду из Швеции в Россию.

Третья глава, состоящая из двух параграфов, описывает властные полномочия органов самоуправления Карелии и их взаимоотношение с местной администрацией и центральной властью России. Параграф первый исследует традиционные структуру и распорядительные функции самоуправления, а во втором - изучаются полномочия выборных властей в местном администрировании.

Самоуправление в России выросло из традиционных общинных институтов крестьянства и горожан и сенъериальных прав светских и духовных феодалов. В Карелии конца XV - начала XVII вв. ведущей формой самоуправления являлось волостная общинная организация черносошного, дворцового и вотчинно-поместного крестьянства. Избираемые старосты волостей (боярщин, перевар), на которые распались погосты, совместно со "старожильцами" и другими "людьми добрыми", ведали обширным комплексом вопросов владения землями, угодьями и промыслами, стояли на страже границ своих волостей, сохраняя недвижимость и имущество волощан от сторонних захватов.

Государство признавало за волостными мирами эти важные функции и, юридически оформляя выборные общинные власти в органы самоуправления, использовало традиционные институты, возложив на них обязанности по сбору налогов на местах и заботу о тягловом состоянии волости. Показания старост и старожильцев являлись главным доказательством при судебных разбирательствах земельных тяжб, а установленные ими "межи"-границы - территориально разграничивали волости. Более того, даже линия государственной границы между Россией и Швецией проводилась в 1617-1621 гг. на основании показаний о местных рубежах жителей сопредельных русских и шведских (бывших русских) волостей.

Другой серьёзной формой использования органов самоуправления являлось включение их в ходе губной и земской реформ конца 1530-х - 1550-х гг. в централизовавшиеся приказные административно-судебную, полицейскую и фискально-податную системы страны; реформы проводились на всей территории Карелии. Они вводили должности губных и земских старост и целовальников, выборных судей, данных (денежных) сборщиков, на плечи которых на местах ложились борьба с преступностью и исполнение царских указов и распоряжений администраторов. Из-за неразвитости в крае (кроме района Передней Корелы) поместного землевладения, должности эти исполняли представители зажиточных слоёв крестьянства и горожан. При этом центр использовал органы самоуправления для контроля "снизу" за деятельностью собственных администраторов в отдалённых землях, преследуя общую и важную цель создания надёжной системы местной власти в северном приграничье.

Подчиняясь централизованному государственному администрированию, органы самоуправления находились в прямой и постоянной связи с московским правительством и поэтому постепенно выработали в себе начатки политического самосознания. Наиболее отчётливо данное явление высветилось в 1610-е гг. Тогда волостные миры Карелии совершили осознанный политический выбор, подчиняя себя верховной власти независимой России.

Заключение. Мы выявили пять чётко выраженных этапов организации и реформирования административного устройства и государственного управления в Карелии - в промежутке времени с 1478 по 1610-е гг.

Первый этап охватывает время с 1478 по 1496-1500 гг. Тогда Иван III включил всё население Новгородской земли в единую финансово-податную систему; сформировал в основном прочную структуру региональной власти и заложил административно-политическую систему "сдержек и противовесов". С 1495/96 г. Новгородчина подверглась военно-поместной реформе. Корельская земля вошла в состав Водской пятины, объединившей земли финно-угорских народов Корелы, Ижёры и Води. Обонежский ряд стал принадлежать Обонежской пятине; он включал обширную область проживания древней Веси, пронизанную важными торгово-промысловыми путями на Север, заселёнными уже русскими.

Во второй этап - с конца XV по середину XVI вв. главные административные преобразования проводились на окраинах. В Карелии Иван III организовал систему кормлений: в 1496 г.- заонежские станы, а в 1500 г.- наместничество Корельский уезд. Наместники (воеводы) Корелы играли принципиальную роль по связи Новгорода со шведским Двором. В военно-политической области они подчинялись наместникам Новгорода - старшим начальникам всей Новгородской земли. С конца 1530-х гг. в Карелии проводилась губная реформа, а с 1555 г.- земская реформа в Заонежских погостах, где тогда упразднили посты волостелей.

Третий этап государственных преобразований падает на время с 1562-1564 и по начало 1580-х гг. Он начался с переходом на воеводскую форму управления в Новгороде и Кореле, а закончился - агрессией Швеции, захватившей в 1580-1581 гг. обезлюдивший Корельский уезд. В 1560-е гг. повсеместно в Карелии оформились органы земского самоуправления; с 1570-х гг. усилился приказной контроль за ними в Поморье.

Четвёртый этап (начало 1580-х - до 1610-х гг.) характеризовался постепенным восстановлением позиций России в Балтийско-Беломорском регионе. В 1597 г. был возвращён Корельский уезд. Тогда произошло усиление централизаторской направленности внутренней политики Москвы. Столичные "четверти" превратились в органы центрального приказного управления, контролировавшие воеводскую власть в Новгороде и всю территорию Новгородской земли, в т.ч. новые административные области Севера: Кольский уезд (создан в 1582 г.), округ дворцовых Заонежских погостов (образован в 1584-1586 гг.) и округ-вотчину Соловецкого монастыря (учреждён в 1592 г.).

Пятый этап (1610-е гг.) ознаменовался ожесточённой борьбой со шведской интервенцией и восстановлением в 1613-1617 гг. системы государственного управления Новгородской землёй. Но Корельский уезд в 1611 г. вновь отошёл к Швеции.

С 1620-х гг. русско-шведские отношения нормализовались и в Карелии начался новый этап административно-политического развития.

Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях:

1. Управление Корельским уездом в конце XV - начале XVII веков //Новое в изучении истории Карелии. Сборник статей. Петрозаводск, 1994. С. 6-28.

2. Карелия в системе межэтнических отношений Русского Севера в XV - XVI вв. //Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрёстки политических и культурных взаимовлияний. Сборник статей. М., 1995. С. 82-93.

3. Система управления Корельской землёй в XV в. // Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере: исторический опыт и современность /Тезисы докладов научно-практической конференции. Петрозаводск. 1996. С. 5-7.

